

Вчерашние приметы не обманули. Небо наливалось свинцом, темнея с каждой минутой, и хлынувший ливень застал прохожих врасплох. Крупные, с горошину, капли забарабанили по асфальту, и стена воды обрушилась на город.

Люди в панике разбегались в поисках укрытия: кто-то прикрывал голову сумкой, кто-то безуспешно пытался заслониться руками, но спастись от этого потопа было невозможно.

Пэй Ян сидел на корточках перед панорамным окном и заворуженно наблюдал за бушующей стихией.

В самом начале их совместного пути, когда они только создавали компанию, им с Фу Шучжо не раз приходилось оказываться в подобных переделках.

В те годы дела еще не пошли в гору. О личном водителе не шло и речи, все встречи они проводили сами, лично мотаясь по городу и подписывая каждый контракт.

И как назло, стоило им отправиться на важные переговоры, небо обязательно разверзалось ливнем. Промокнув до нитки, они, жалкие и взъерошенные, прятались под козырьками автобусных остановок. Но даже когда удавалось поймать такси, водители часто качали головами и проезжали мимо, не желая пачкать мокрой одеждой салон.

Натерпелись они тогда знатно.

Но по мере того как бизнес рос, времени друг на друга оставалось всё меньше. Когда Пэй Ян наконец опомнился, он с горечью осознал, насколько они отдалились друг от друга.

Они неделями не разговаривали по душам, забыв, когда в последний раз обнимались или целовались.

О близости в постели и говорить не приходилось: оба выматывались как собаки и частенько оставались ночевать прямо в офисе, без сил падая на диваны. Какая уж тут романтика.

Холод между ними рос. И тот вопрос, который Пэй Ян однажды задал Фу Шучжо: «Семнадцать лет вместе... неужели ты еще не устал от меня?» — на самом деле был тем, о чем он сам втайне хотел спросить мужа.

К сожалению, этот шанс он, похоже, упустил навсегда. Точно так же, как потерял возможность помириться с собственным отцом. Теперь он застрял в чужом мире, в чужом теле.

От долгого сидения на корточках в голове неприятно зашумело.

Мысли путались, обрывки воспоминаний кружились в безумном хороводе, не позволяя

выстроить четкую хронологию. Он не понимал, когда происходили те или иные события и как собрать этот пазл воедино.

Фу Шучжо тоже посмотрел на хлынувший за окном дождь.

Лицо Пэй Чжиляна помрачнело:

— Я знаю, что в студенческие годы Пэй Яну пришлось несладко. Но именно это меня и злит больше всего.

Фу Шучжо промолчал.

— Ради мужчины, которого он знал без году неделю, этот упрямец был готов терпеть любые лишения, лишь бы не возвращаться в дом, где прожил двадцать лет. А ведь мы с матерью могли обеспечить его всем необходимым, дать ему лучшую жизнь.

В глазах Пэй Чжиляна все еще сквозило глубокое разочарование. Конечно, за столько лет былая ярость утихла — иначе он не сидел бы сейчас здесь, ведя мирную беседу.

Но то, с какой решимостью сын когда-то оставил их ради Фу Шучжо, оставило в сердцах родителей глубокую, незаживающую рану.

Фу Шучжо не мог судить те события — в конце концов, он был «выигравшей стороной». Немного помолчав, он тихо ответил:

— Он очень дорожит вами и мамой.

— Знаю, — горько усмехнулся Пэй Чжилян, и на его глаза навернулись слезы. — Те деньги, что приходили на праздники... я знал, что это от него. И подарки, которые он передавал через брата, — мы с матерью прекрасно всё понимали.

— Но...

— Разве этого мы хотели? — покачал головой старик, силясь сдержать эмоции. — Ему нужно было всего лишь сделать шаг навстречу. Прийти, повиниться — и всё бы давно закончилось.

Фу Шучжо замер.

— Но он побоялся. Решил, что если вернется, я заставлю его расстаться с тобой, — Пэй

Чжилян слишком хорошо знал своего сына. Он сокрушенно покачал головой, до боли сжав кулаки на коленях.

В свое время Пэй Чжилян тоже закусил удила, решив проверить, кто окажется упрямее. Так они и жили в глухом противостоянии, пока у матери Пэй Яна не обнаружили болезнь Альцгеймера.

Фу Шучжо опустил голову:

— Простите...

— Что теперь вспоминать, всё в прошлом, — вздохнул старик, постепенно расслабляясь. — Насчет развода я настаивать не буду, но прошу тебя: подумай хорошенько.

— Мы не разведемся, — твердо ответил Фу Шучжо.

Пэй Чжилян разжал кулаки. Сейчас, ссутулившийся и уставший, он выглядел обычным стареющим отцом, на которого давил груз прожитых лет.

— Верю, что сейчас ты искренен с ним. Но ты еще молод, а Пэй Ян... Пэй Ян болен. Рано или поздно ты встретишь кого-то другого, человека со схожими интересами, возможно, захочешь детей. И когда ты будешь возвращаться домой к ничего не понимающему, угасающему Пэй Яну... сможешь ли ты гарантировать, что сохранишь к нему хоть каплю прежних чувств?

Пэй Чжилян слишком хорошо знал изменчивую человеческую природу, чтобы слепо верить обещаниям.

— Я не стану тебя переубеждать. Но если придет день, когда он станет тебе в тягость, не мучай его. Просто разведись и верни Пэй Яна мне. Не обижай его.

Фу Шучжо почувствовал, как болезненно укололо грудь недоверие тестя.

— Время всё докажет, — тихо, но твердо произнес он.

Пэй Чжилян ничего не ответил. Он молча поднялся с кресла:

— Ладно, я сказал всё, что хотел. Пойду проведаю Пэй Яна.

Фу Шучжо встал следом и негромко предупредил:

— Я еще не говорил ему о диагнозе. Он думает, что у него просто амнезия.

— Вот и славно, — кивнул старик. — Меньше знает — крепче спит.

Когда они вышли из кабинета, стайка офисных сплетников, еще недавно шушукавшихся у кофейного автомата, мгновенно разбежалась по рабочим местам.

Уже прикрывая дверь, Фу Шучжо помедлил:

— И еще одно... Вчера Пэй Яну приснилась мама. Он сказал, что хочет съездить домой, повидаться.

Пэй Чжилян нахмурился.

— Он думает, что она жива, — добавил Фу Шучжо.

У старика на виске дернулась жилка. Тяжело вздохнув, он направился к кабинету, где ждал сын. Пэй Ян, изнывающий от скуки у окна, при звуке шагов поспешно поднялся на ноги и неловко произнес:

— Папа...

Фу Шучжо благоразумно остался снаружи, давая им возможность поговорить наедине.

Внутри воцарилась неловкая тишина. Пэй Ян откровенно нервничал: изображать потерю памяти было непросто, и он панически боялся сболтнуть лишнего и выдать себя.

Пэй Чжилян, и без того не отличавшийся словоохотливостью, сурово молчал. Так они и стояли, буравя друг друга взглядами, добрых десять минут.

Наконец отец не выдержал:

— И что, тебе совсем нечего мне сказать?

Пэй Ян захлопал ресницами и, не найдя ничего лучше, поднял большой палец вверх:

— Сразу видно, что я в тебя пошел. Красавец хоть куда.

Пэй Чжилян прикрыл глаза от душевной усталости:

— Помолчи лучше.

— Понял, — Пэй Ян послушно изобразил, как закрывает рот на замок.

Он принялся стрелять глазами по сторонам, отчаянно ища взглядом Фу Шучжо. Ну и где этот спаситель? Обещал же поддержать его в этой «семейной встрече»!

Пэй Чжилян прекрасно видел, что сын витает в облаках. Он уже собирался уходить, но привычное раздражение вновь взяло верх. Назло сыну он уселся поудобнее, явно намереваясь продлить эту пытку тишиной.

Они не общались нормально слишком давно, поэтому вопросы отца звучали натянуто и сухо:

— Как к тебе относится Фу Шучжо?

— Хорошо. Очень заботится, — ответил Пэй Ян.

— Сам как себя чувствуешь? Здоровье не подводит?

Пэй Ян замялся:

— Да вроде нормально?..

Пэй Чжилян шумно вздохнул:

— Хоть лето и на носу, по вечерам еще прохладно. Накидывай куртку, не простужайся.

Пэй Ян изо всех сил постарался придать лицу самое серьезное выражение и закивал:

— Ты абсолютно прав.

Пэй Чжилян промолчал, лишь пристально посмотрел на него.

На душе у старика стало горько и тоскливо. Когда это Пэй Ян обратился к нему вежливо и с уважением? Раньше от этого неслуха слова доброго нельзя было дожидаться — вечно спорил, огрызался, а в подростковом возрасте чуть ли не с кулаками на отца бросался.

Сверившись с часами, Пэй Чжилян поднялся:

— Мне пора. Живите... дружно.

Пэй Ян тоже вскочил:

— Я провожу тебя.

— Не нужно, сиди, — покачал головой отец. — Пусть Сяо Фу проводит, мне надо с ним поговорить.

— Хорошо, — увял Пэй Ян, чувствуя укол необъяснимой обиды.

Глядя на ссутулившуюся спину отца, он ощутил, как к горлу подкатывает комок, а глаза начинает щипать от подступивших слез. Он невольно вспомнил своего собственного отца... К счастью, у него самого остались старшие брат и сестра, так что о старости родителя можно было не беспокоиться.

Увидев, что тесть выходит так быстро, Фу Шучжо удивился:

— Может, пообедаете вместе с Пэй Яном?

Он намеренно не предлагал составить им компанию, зная, что его присутствие лишь стеснит старика.

Пэй Чжилян лишь махнул рукой:

— Не стоит. Этот паршивец только тебе в рот и смотрит, зачем ему сдался старый отец?

Фу Шучжо ничего не оставалось, кроме как войти вместе с ним в лифт, чтобы проводить до метро.

Однако Пэй Чжилян наотрез отказался от машины:

— Я собирался съездить на кладбище к его матери. Доберусь на метро, сейчас на дорогах сплошные пробки, только растрясет зря.

— Тогда я хотя бы до метро вас провожу.

— Ладно.

Станция находилась неподалеку, в нескольких сотнях метров от офиса. По пути Фу Шучжо незаметно строчил сообщение Цинь Наньшань, прося присмотреть за мужем. С тех пор как у Пэй Яна начались проблемы с памятью, у него в голове то и дело рождались безумные идеи, и оставлять его без присмотра было попросту опасно.

Они шли молча под мерный стук дождевых капель по куполу зонта. Лишь у самого входа в подземку старик остановился:

— Ну всё, пришли.

— Берегите себя в дороге, — мягко сказал Фу Шучжо. — Если что-то понадобится, сразу звоните мне.

Пэй Чжилян промолчал. Он уже повернулся к эскалатору, но вдруг замер и, помедлив секунду, обернулся:

— Есть у меня к тебе одна просьба.

— Я слушаю.

Старик отвел взгляд в сторону, его лицо исказила гримаса боли, а голос охрип от волнения:

— Если Пэй Ян когда-нибудь придет в себя... передай ему. Мы с матерью не были бездушными чудовищами, не желавшими его прощать. Просто... его мама была тяжело больна.

У Фу Шучжо перехватило дыхание:

— Что вы имеете в виду?..

— Она умоляла меня, плакала, заставила поклясться, что я ничего не скажу Пэй Яну. Не хотела, чтобы сын возвращался домой из жалости или чувства долга.

Глубокие морщины прорезали лицо Пэй Чжиляна. В его покрасневших глазах застыли слезы, а в ушах, казалось, до сих пор звучал тихий, ласковый голос покойной жены.

Она ведь тогда улыбалась, угасая на глазах: «Нашему Пэй Яну лучше быть рядом с любимым человеком. Там он будет счастлив. Зачем ему сидеть подле меня, выжившей из ума старухи, и изводить себя страхом и жалостью?»

«Раньше я тоже не понимала, как двое мужчин могут жить вместе. А теперь... теперь я хочу лишь одного — чтобы он был счастлив. Посмотри, как он изменился рядом с этим мальчиком, каким усердным стал! И в университет отличный поступил, и стипендию каждый год получал».

Она звала его по имени, так ласково и нежно: «Чжилян... не нужно ему знать о моей болезни. Пусть не забивает себе голову».

Она желала своему сыну только покоя и радости. Не хотела обременять его заботами о человеке, чьи дни и так были сочтены.

Горло Фу Шучжо сжал спазм, дыхание перехватило.

— Я... я обязательно ему передам, — выдавил он.

— Я знаю, что те дорогие лекарства и настойки, которые нам приносили все эти годы, покупал ты. Мы всё принимали. Спасибо за заботу, — Пэй Чжилян устало поднял веки. — У меня осталась лишь одна просьба. Я оказался плохим отцом и разбил сыну сердце. Умоляю, не совершай моих ошибок.

— Обещаю вам. Этого никогда не случится, — хрипло ответил Фу Шучжо.

Старик слабо улыбнулся углами губ, махнул рукой на прощание и ступил на ступени эскалатора. Его спина согнулась еще сильнее, явив миру всю тяжесть прожитых лет. И там, внизу, уносясь в глубину подземки, этот суровый шестидесятилетний мужчина наконец дал волю слезам, тихо утирая катящиеся по щекам соленые капли — капли запоздалого раскаяния и бесконечной отцовской любви.

Фу Шучжо еще долго стоял у входа в метро, глядя в серую пелену бесконечного дождя. Обратный путь казался невыносимо долгим, а ноги налились свинцом.

Сам он рос круглым сиротой. Родители ушли рано, а родственники приютили его лишь из корысти — ради старой родительской квартиры. Настоящей, глубокой родительской любви Фу Шучжо никогда не знал.

Вспомнив о ждущем в офисе Пэй Яне, он ускорил шаг. Но стоило ему подойти к дверям бизнес-центра и сложить зонт, как он увидел мужа. Тот стоял у самого входа и преданно, словно потерявшийся щенок, всматривался в толпу прохожих. Рядом терпеливо ждала Цинь Наньшань.

Фу Шучжо поспешно нацепил привычную мягкую улыбку:

— Ты чего здесь стоишь?

— Тебя жду, — буркнул Пэй Ян, косясь на спину мужа. Наконец он не выдержал и тихо спросил: — А папа... не останется пообедать?

Фу Шучжо нежно взъерошил его волосы:

— Глупый котик. Если так хотел провести время с отцом, почему сам ему об этом не сказал?

Пэй Ян капризно увернулся от его ладони и пробурчал под нос:

— Еще чего... Не очень-то и хотелось.

Фу Шучжо лишь усмехнулся:

— Ну хорошо. Выберем день поспокойнее, накупим гостинцев и сами съездим к нему в гости.

Эта идея явно пришлась Пэй Яну по душе — он согласно закивал головой.

— Погоди, мы же выходили без зонта. Откуда он у тебя?

— Взял на стойке администратора, — улыбнулся Фу Шучжо.

— А как мы поедem домой вечером? Ливень же стеной.

— На машине. Спустимся сразу на подземную парковку дома, так что даже ног не намочишь.

Цинь Наньшань, всё это время старавшаяся казаться невидимкой, не выдержала и со смешком тактично откланялась:

— Пожалуй, я схожу по делам. Возвращайтесь в офис.

Фу Шучжо кивнул ей, и они с Пэй Яном зашли в лифт.

— Рука не ноет? — спросил он, бросив взгляд на ладонь мужа.

Пэй Ян покрутил запястьем:

— Нет, совсем не болит.

Фу Шучжо негромко рассмеялся:

— А ведь в последний раз ты травмировал руку очень давно, еще в самом начале нашего пути.

Пэй Яну стало любопытно:

— И как же это вышло?

Тогда дела фирмы как раз пошли в гору. Пэй Ян поехал на важную встречу в одиночку, где заказчики решили проверить его на прочность и буквально запоили до полусмерти. Ему приходилось улыбаться через силу и глушить раздражение алкоголем.

В итоге всю накопившуюся злость он выместил на несчастном придорожном столбе. Вдрызг пьяный Пэй Ян принял столб за наглого инвестора, высказал ему всё, что думает, а под конец закрепил аргумент сокрушительным ударом кулака.

— Итог, — усмехнулся Фу Шучжо, — четыре сломанных пальца из пяти.

Пэй Ян лишился дара речи.

Он с подозрением посмотрел на мужа. В его любимом веб-романе «Эксцентричность» о подобной глупости не упоминалось ни слова. С другой стороны, зачем Фу Шучжо врать?

В глазах Фу Шучжо промелькнула теплая ностальгия:

— Когда я наконец разыскал тебя, ты разрыдался прямо на тротуаре, жалуясь, что даже столбы над тобой издеваются. А потом упрямо тыкал пальцем в лужу собственной рвоты и требовал, чтобы я заставил проклятых партнеров выпить это до капли.

<http://bllate.org/book/20679/2131103>